

Изучение древнейших этапов истории народов Средней Азии, проводящееся в последние десятилетия с широким размахом, на обширной территории и с использованием новых методов, привело к крупным открытиям и к большому накоплению фактов. Это позволило наметить этапы исторического развития форм хозяйства, материальной и духовной культуры древнего населения отдельных историко-культурных областей данного региона, проследить сложные этнокультурные процессы, происходившие как внутри отдельных областей, так и на территории всей Средней Азии и сопредельных стран.

Исследования в Южной Туркмении выявили древнейший очаг земледельческой цивилизации; там же были обнаружены древние центры протогородских цивилизаций. Недавно такие центры были найдены в Южном Узбекистане и Северном Афганистане — на территории древней Бактрии. Северные районы Средней Азии менее исследованы, и это связано прежде всего с тем, что перед нами огромные, ныне в значительной мере пустынные площади, обследование которых требует значительных организационных усилий. Тем не менее все эти годы они были объектом внимания ряда крупных экспедиций, среди которых в первую очередь следует назвать Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию. Созданная ее основателем С. П. Толстовым периодизация древних этапов истории населения Южного Приаралья послужила основой для дальнейших работ в этой области.

Книга М. А. Итиной посвящена исследованию одного из важнейших этапов в истории Южного Приаралья — периода становления и развития производящего хозяйства, расцвета металлургии меди и бронзы, разложения первобытнообщинного строя. Этот более чем тысячелетний период, конец которого знаменуется переходом к классовым отношениям, был чрезвычайно важен и в плане сложных этнических процессов, происходивших на территории Южного Приаралья. Следы этих процессов улавливаются на археологическом материале, который является для автора основным источником и содержит данные и по проблеме миграций степных племен в южном направлении и взаимоотношений их с населением земледельческих оазисов, и по проблеме культурных влияний земледельческих цивилизаций на их северную степную «варварскую» периферию.

Все эти и некоторые другие аспекты истории древнего населения Южного Приаралья нашли свое отражение в монографии М. А. Итиной. Это историческое исследование вносит новое в наши знания об этнокультурной истории северных областей Средней Азии, определяет их место среди ряда крупных этнокультурных регионов степей Евразии, выявляет их роль в процессе этногенеза народов Средней Азии.

Книга М. А. Итиной состоит из введения, семи глав и заключения.

Введение содержит задачи исследования и определяет методы его проведения. К числу заслуг автора следует отнести используемый им и пропагандируемый на протяжении всей книги комплексный метод исследования, при котором анализ археологических источников ведется с помощью данных этнографии и естественных дисциплин — географии и геоморфологии.

Одна из наиболее сложных проблем исторической интерпретации первобытных археологических материалов — привлечение для их осмысления этнографических данных. Этой проблеме уделено значительное место во введении, где анализируются методы комплексных археолого-этнографических реконструкций в советской и зарубежной науке и убедительно показывается преимущество отечественной методики. Особое внимание автор уделяет проблеме реконструкции форм общественной организации на материалах поселений и жилищ. В СССР эта моргановская традиция получила серьезное развитие уже в 1930—1940-х годах, за рубежом — только в послевоенное время, что, однако, не мешает представителям американской «археологии поселений» считать себя в этой области первооткрывателями. Созданное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурных типах (ХКТ) и историко-этнографических областях (ИЭО) дает возможность сравнить сходные ХКТ независимо от их пространственно-временной протяженности, тогда как на Западе все еще преобладают различные варианты предположенного Ф. Эггеном метода «контролируемого сравнения», допускающего сопоставление лишь там, где может быть прослежена непрерывность культурного развития.

Конкретное применение метода аналогий при исследовании материалов поселений, жилищ и могильников приводится М. А. Итиной в соответствующих главах книги.

Глава первая посвящена истории исследований первобытных памятников в Южном Приаралье, изучение которых в большинстве случаев велось под руководством или при участии автора.

В главе второй дается палеогеографический фон, который, поскольку речь идет о первобытности, в значительной мере предопределил систему расселения, тип жилищ, основные направления хозяйства населения Южного Приаралья на протяжении всего исследуемого периода. В этой главе наиболее полно проявляет себя комплексный метод исследования, основанный на совместной работе археологов и географов-геоморфологов с применением аэровизуальных исследований, дешифрирования данных аэрофотосъемки, проведения специальной крупномасштабной аэрофотосъемки. Многолетнее

участие автора в комплексных исследованиях такого рода, проводящихся Хорезмской экспедицией, позволило ему дать картину зависимости расселения древнего человека от функционирования той или иной системы дельтовых протоков Амударьи. Анализ расположения стоянок на берегах древних русел и дельтовых протоков дал автору возможность, с одной стороны, наметить картину функционирования древних русел Амударьи в эпоху неолита и бронзы, с другой — выявить некоторые более частные процессы — систему отмирания протоков Южной Акчадарьинской дельты в пространстве и во времени.

Выявленный Хорезмской экспедицией с помощью применения аэрометодов уникальный по сохранности «заповедник» поселений второй половины II тысячелетия до н. э. в Южной Акчадарьинской дельте дал бесценный материал по системе расселения и типу жилища и открыл для науки новый, но уже вторичный древний очаг развития ирригационного земледелия.

Фактической основой исследования являются главы третья и четвертая, где дается источниковедческий анализ материалов, полученных в результате раскопок поселений эпохи развитой и поздней бронзы. В главе третьей в научный оборот вводится новый материал, позволяющий достаточно полно охарактеризовать культуру населения Южного Приаралья эпохи развитой бронзы — тазабагъябскую, которая, имея много общих черт с так называемыми культурами степной бронзы евразийских степей, отличается все же известной самобытностью. Причиной этого, по мнению автора, являются: местная культурная традиция, своими корнями уходящая на юг, постоянный процесс влияния земледельческого Юга на степной Север, проявляющийся и в прямой инфильтрации отдельных племенных групп, и наконец, развитие ирригационного земледелия на плодородных аллювиальных почвах дельтовой равнины.

К числу удач автора можно отнести выявленный в результате тщательного анализа топографии поселений и характера их культурных остатков (наличие или отсутствие подъемного материала) андроновский этнокультурный пласт. Стратиграфически он перекрывает тазабагъябские поселения и свидетельствует о тех сложных этнических перемещениях, которые происходили на территории Средней Азии, видимо, вдоль речных русел, особенно интенсивно в конце II тысячелетия до н. э.

Попытку автора дать относительно хронологию раскопанных поселений можно только приветствовать, что же касается абсолютных дат, то это уязвимое место данной классификации. Вызывает сожаление отсутствие датировок по C^{14} , тем более, что металлургических вещей, которые могли бы быть опорными при датировках, нет или почти нет. Обращает на себя внимание и то, что при большом количестве поселений открыт всего один могильник. Это тем более странно, что сочетание поселения (здесь, скорее всего, несколько поселений) и могильника было бы естественным для исследуемого времени. По-видимому, кроме могильника Кокча-3, существовали и другие. А где хоронили своих умерших андроновцы? Надо надеяться, что дальнейшие работы автора в исследуемом им тазабагъябском «заповеднике» приведут к открытию новых погребальных памятников, столь необходимых для решения вопросов этнической истории древнего населения Южного Приаралья.

Анализ поселения эпохи поздней бронзы Якке-Парсан 2 (амирабадская культура) дан менее подробно, так как материалы эти были частично опубликованы, но памятник заслуживает самого пристального внимания, ибо это полностью раскопанный поселок. Он состоит из 17 домов и дает большой материал для выявления качественно новых признаков в хозяйстве, культуре, формах общественной организации населения Южного Приаралья в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

По-видимому, из-за недостатка места эта глава структурно несколько отличается от предыдущей: в ней нет описания каждого жилища, нет подсчетов общего числа фрагментов керамики, найденных в каждом доме. А между тем поселение Якке-Парсан 2 — памятник, который заслуживает подробной публикации, не говоря уже о желательности унификации при описании исследуемых материалов.

Главы 5—7 специально посвящены хозяйству, системе расселения и жилищу, формам общественной и семейной организации населения в древней дельтовой области Амударьи в исследуемое время.

Заслуживает внимания раздел, посвященный анализу земледельческого хозяйства, основанного на ирригации, следы которой дошли до наших дней в виде системы каналов, арыков, полей, на которые вода подавалась из небольших дельтовых протоков. Достаточно совершенные разветвленные ирригационные системы, по-видимому, служат подтверждением земледельческо-скотоводческого, а не наоборот, направления хозяйства тазабагъябских племен. Интересно, что анализ расположения стоянок в эпоху поздней бронзы и характер остеологического материала, полученного при раскопках, позволяют автору сделать вывод о том, что в самом конце II тысячелетия до н. э. в Южном Приаралье произошло выделение хозяйственного типа полукочевых скотоводов из хозяйственно-культурного типа земледельцев-скотоводов предшествующего времени. При этом ХКТ полuosедлых скотоводов стал традиционным на территории Сырдарьинской дельты, сохранившись там на тысячелетия, а оседлоземледельческий хозяйственный тип с высокопродуктивным ирригационным земледелием стал возможен в Южной Акчадарьинской и Присарыкамьшской дельтах Амударьи (стр. 191, 192). Эти выводы автора, в свете проводящегося сейчас грандиозного по масштабу хозяйственного освоения древних аллювиальных равнин Амударьи и Сырдарьи, могут быть при-

няты во внимание при решении будущего соотношения двух отраслей сельского хозяйства в этом обширном регионе.

Любопытны наблюдения автора, касающиеся эволюции типов расселения и жилищ, форм общественной и семейной организации древнего населения Южного Приаралья. «Хуторская» система расселения поселками в 2—3 дома (ведущая в эпоху развитой бронзы) в эпоху поздней бронзы сменяется крупными поселками, насчитывающими около 20 домов. Большая семья, в составе которой было несколько нуклеарных, населяла один большой дом. В эпоху поздней бронзы число ее членов разрастается, дома делаются двоянными или строеными, появляются специальные хозяйственные пристройки, свидетельствующие о росте производительных сил общества, об увеличении избыточного продукта, находящегося уже во владении отдельных больших семейных общин. Однако, как справедливо отмечает автор, земля, особенно в связи с ирригационным земледелием, требующим приложения сил большого коллектива людей на значительных площадях, была общинно-родовой собственностью. В то же время увеличение поголовья скота, совершенствование земледельческого хозяйства неизбежно вели к созданию прибавочного продукта, который скапливался в отдельных семьях, выделяя их в составе общины и способствуя формированию института вождей племен и союзов племен (стр. 208).

Монографии М. А. Итиной присуще широкое привлечение этнографических данных для осмысления археологических материалов, органический синтез фактов археологии и этнографии при реконструкции исторического прошлого населения Южного Приаралья. Этот подход характерен для всех основных глав книги и используется для реконструкции самых различных особенностей хозяйства, общественного строя и культуры. Так, восстанавливая главные черты хозяйственной жизни населения изобилующих рыбой низовий Амударьи, автор делает попытку объяснить отсутствие костей рыбы и орудий рыболовства в домах тотемическим почитанием рыб, которое доказывалось широко бытующими и уходящими далеко в прошлое пережитками этого культа. Очень интересно приложение новейших данных общей этнографии к анализу социальной организации Южного Приаралья эпохи развитой бронзы. Рассматривая археологические данные о поселениях и жилище этого времени, автор показывает излишнюю категоричность высказывавшихся раньше мнений о непременно патриархальном строе подобного рода обществ. С этим нельзя не согласиться: в советской науке аргументирована концепция позднего матриархата, базисные структуры которого, а следовательно, и их вещественные остатки едва ли отличимы от патриархальных.

Особенно насыщена в этнографическом отношении глава седьмая, в которой на основе погребальной обрядности реконструируются формы социальной и семейной организации населения низовий Амударьи. Здесь комплексный археолого-этнографический анализ позволил пересмотреть «привычные» археологические представления и дать им принципиально новую трактовку. Это прежде всего интерпретация парных разновременных одновременных захоронений, долгое время однозначно рассматривавшихся как бесспорное свидетельство патриархальных порядков; подобный взгляд считался тем более бесспорным в отношении развитых скотоводческих обществ. Привлеченные М. А. Итиной этнографические параллели позволили поставить вопрос о том, можно ли было в условиях родового строя хоронить одновременно с мужем жену, если даже при патрилокальном браке женщину обычно хоронят в земле ее рода? Очевидно, что нет, и известные, в общем относительно немногочисленные парные захоронения такого рода — это, видимо, захоронения с мужчинами не жен, а рабынь-наложниц. Выявленные наряду с ними парные разновременные захоронения — еще одно свидетельство разложения родового строя и упрочения нуклеарной семьи. При этом автор опять-таки справедливо предостерегает от скоропалительных выводов о той или иной — патриархальной или позднематриархальной — форме распада первобытнообщинных порядков, в том числе и в скотоводческих обществах. Здесь также должны быть учтены этнографические данные, например по туарегам Сахары или беджа, показывающие, что даже у современных кочевых скотоводов в период разложения родового строя могут сохраняться яркие черты позднего матриархата.

Надо в то же время отметить, что этнографические параллели используются в работе со всей осторожностью и строгостью. Современные народы, как правильно отмечает автор, отнюдь не могут быть «безоговорочно признаны живой моделью человеческих коллективов, например, эпохи бронзы». Однако с необходимым учетом исторических изменений только они могут «предостеречь археологов от создания стройных кабинетных реконструкций» (стр. 224).

В Заключении автор дает общую картину заселения и освоения человеком Южного Приаралья, становления производящего хозяйства, его эволюции, приведшей к выделению полукочевых скотоводов из среды земледельцев-скотоводов.

История развития культуры, сложные этнические процессы, протекающие в этом регионе, даются на широком историческом фоне, с привлечением материалов Средней Азии в целом и сопредельных областей Евразии.

Книгу М. А. Итиной отличает тщательный анализ собранного ею большого фактического материала, хорошо иллюстрированного, надежно фундирующего построения автора. Эта книга, благодаря использованию автором комплексного археолого-геоморфологического метода, вносит существенный вклад в научные представления о далеком прошлом Южного Приаралья, его естественной среде и воздействии на нее антропо-

генного фактора. В то же время она содержит большой материал, который может быть практически использован при современном освоении пустынных территорий Южного Приаралья и прогнозировании дальнейших изменений его природной среды.

Широко применяемый автором комплексный метод с использованием данных общей этнографии делает книгу подлинным палеоэтнографическим исследованием, открывающим для науки на материалах северных областей Средней Азии еще одну страницу истории первобытного общества.

Т. А. Жданко, Б. А. Федорович

Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976, 360 стр.

Рецензируемая книга является итогом научной деятельности недавно скончавшейся Елены Багратовны Вирсаладзе — заслуженного деятеля науки Грузинской ССР, замечательного знатока и исследователя грузинского фольклора. Елена Багратовна еще в начале тридцатых годов получила прекрасную фольклористическую подготовку сначала у профессора В. И. Котетишвили в Тбилиси, а затем у профессоров М. К. Азадовского и Н. П. Андреева в Ленинграде. Она совершила много научных экспедиций в различные районы Грузии и тщательно обследовала разные архивы (что, между прочим, привело к открытию первых датированных и ранее неизвестных грузинских сказок). На основе полевых исследований были сделаны серьезные теоретические выводы, которые содержатся в ее многочисленных трудах и в особенности, в двух монографиях «Народно-поэтическое творчество грузинских горцев. Мтиулеты, Гудамкари» (комплексное изучение всех жанров в рамках одного района) и «Грузинский охотничий эпос. Древнейшие циклы» (докторская диссертация). Фольклористы также высоко ценят написанные ею главы в трехтомнике «Грузинское народное творчество» (русский однотомный вариант издан под ее редакцией), статьи о фольклоризме грузинских писателей (Руставели, грузинские романтики, А. Казбеги, П. Какабадзе) и многие другие ее оригинальные работы. Она руководила подготовкой библиографического свода грузинского фольклора, многочисленными публикациями памятников грузинского фольклора (в том числе по-русски — «Грузинские народные предания и легенды»).

Рецензируемая книга — расширенный, дополненный вариант исследования, защищенного ею в качестве докторской диссертации. В этой книге дается описание и углубленный анализ целого пласта (ранее мало известного) грузинской мифологии, ритуала, народной эпики и лирики, соотносимого, по крайней мере типологически, с календарными и иными мифами Средиземноморья и Древнего Востока.

Научные результаты, полученные Е. Б. Вирсаладзе, имеют также принципиальный характер для понимания специфики охотничьей мифологии и охотничьего фольклора в целом, и это достигнуто ею не только благодаря широкому использованию сравнительно-исторических данных по другим народам, но и, главным образом, в силу глубины и точности типологического анализа. Она сумела раскрыть, понять и использовать (о чем она сама пишет в блестящем методологическом введении к книге) своеобразную полистадиальность грузинского фольклора в рамках этногенетически и исторически единой культуры, что дало ей возможность построить целую историческую поэтику фольклора. На сравнительном фоне Е. Б. Вирсаладзе дает сводку разнообразных охотничьих обычаев (главным образом табу) грузинских горцев, а также представлений о хозяевах охоты (сванская Дали, Очопинте у хевсур, месепы Западной Грузии, сванско-осетинский Афсати и др.), но главное ее внимание привлекает фольклорный образ «погибшего охотника» и его мифолого-ритуальные связи с хозяйской охоты, дарующей ему любовь и охотничью удачу и затем убивающей его за нарушение табу.

Е. Б. Вирсаладзе начинает с рассмотрения широко известных (особенно в Раче, где их исполняют в хороводе) песен о несчастном охотнике и его собаке Курше: охотник забрал на высокую скалу, с которой не может уже спуститься. Он висит над пропастью, зацепившись ремешком от обуви и когда его возлюбленная (реже жена) подстрекает его прыгнуть в ущелье, он падает и разбивается. Истинный смысл этой странной песни раскрывается при сопоставлении со сванскими песнями и преданиями об охотнике Беткиле, которого богиня охоты Дали завлекла на высокую скалу, разрушила путь назад, прядью своих золотых волос привязала его к скале, под обломками которой ему суждено теперь погибнуть. На основании анализа огромного фольклорно-этнографического материала, Е. Б. Вирсаладзе раскрывает анализируемую мифологию именно как историю мести охотнику со стороны хозяйки охоты, подарившей ему свою любовь (представление о сексуальном избранничестве охотника) и охотничью удачу, знаком которой часто является амулет. Она мстит за потерю амулета, разглашение тайны или иное нарушение табу. Гибель охотника является мистерияль-